

12 **Собеседник** • № 45 • 1991

Моеб

Да здр
самое

(Из призыва)

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ

Из книги

«ВОСКРЕСЕНИЕ МАЯКОВСКОГО»

...И не проклятья, не ругань, не эпатаж нас оттолкнет — Бог с ним, с эпатажем, — а тот материал, из которого сделаны самые яркие, наиболее выразительные части стихов Маяковского. «Окровавленные туши; душу окровавленную; окровавленный песнями рот; окровавленный сердца лоскут; багровой кровью лилась и лилась струя». «У раненого солнца вытекал глаз; жевал невкусных людей; туч выпотрачивает туши багровый закат-мясник; сочными ключьями человеческого мяса; на саженях человеческого мяса нашинковано»...

Человек, многократно и с удовольствием повторяющий: «кровь, окровавленный, мясо, трупы», да еще к тому же время от времени призывающий ко всякого рода убийству, неминуемо сдвигает свою психику в сторону садистского сладострастия. Именно здесь, на этом сдвиге, в ТАКОЙ романтике, — произошла его главная встреча с Революцией. Ко времени пришествия Революции Маяковский, единственный из всех современников, был уже готовым ее поэтом. И дело тут не в идейной его подготовленности, которая, кстати, очень сомнительна. К семнадцатому году молодой Маяковский оказался единственным из известных поэтов, у которого не просто темой и поводом, но самим материалом стиха, его фактурой были кровь и насилие. Тот, кто на протяжении нескольких лет сладострастно копался голыми руками в вывернутых кишках и отрубленных членах, был вполне готов перейти к штыку и нагану:

На словах, только на словах. Но об этом только и речь.

Пусть
горят над королевством
бунтов зарева!
Пусть
столицы ваши
будут выжжены дотла!
Пусть
из наследников, из наследниц варено
варится в коронах-котлах!

А еще революция дала ему в руки оружие. Раньше это были только нож и кастет, теперь же — самые различные виды, от «пальцев пролетариата у мира на горле» до маузера и пулемета. Он и пользовался ими по мере надобности, но всем другим предпочитал штык: «Пугаем дома, оцетиняся штыками; штыки от луны и тверже, и злей; встаем, штыки оцетиняши; дошли, штыком домерцав; как штыком, строклой просверкав...»

А мы —
не Корнеля с каким-то Расином —
отца,
предложи на старье меняться, —
мы
и его
обольем керосином
и в улицы пустим —
для иллюминаций.

...Представлял ли он себе все то, что писал?